

РЕЛИГИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

Жукоцкая Зинаида Романовна, Жукоцкий Владимир Дмитриевич

БИП – Институт правоведения

(г. Могилев, Беларусь)

В статье анализируются ключевые аспекты религиозного измерения личности, раскрывающее религиозное чувство человека.

Человек узнает себя в качестве человека в тот момент, когда открывает ограниченность своего индивидуального существования, понимает, что его подлинное существо выходит далеко за рамки его предметной частичности. Но с этим существом рода еще надо как-то воссоединиться, установить устойчивую связь. В этом единстве с родом и открывается человеку полнота жизни, образ всепроникающего целого.

Таким образом, *экзистенциальная модель* человека включает в себя три составляющие с учетом того, что им предшествует «нулевой цикл» чувства первичной полноты целого:

1. Осознание неполноты и частичности своего индивидуального существования, его обреченности, покинутости и «абсурдности», страха смерти, заведомой недостижимости счастья в земной жизни.
2. Выработка устойчивой потребности к воссоединению со своим подлинным существом, формирование *духовного* образа целого, становление *личности* как индивидуальной формы бытия целостности рода, общества и культуры.
3. Стремление реализовать эту потребность и этот образ в реальном практике общественной жизни, в своей непосредственной жизнедеятельности.

Как это ни парадоксально, но религиозное измерение человека заявляет о себе в каждой из этих составляющих человеческого бытия. Хотя в том, что касается исторического бытия религии, оно в наибольшей степени концентрировалось на стыке между первой и второй: первая – была задана исторически самими условиями социального существования человека, вторая – вбирала в себя весь комплекс духовной культуры, включая науку, искусство, философию и мораль, переход к третьей – непосредственно апеллировал к интенциям активизма и социального действия, делая своим эпицентром политику и экономику. Но для того, чтобы перейти от отчаяния к внутренней мобилизации, чтобы заложить краеугольный камень в построение личности, необходима точка отсчета, необходим *первообраз* человеческой целостности, будто в свете молнии религиозной интуиции приоткрывающий перспективу того, что «счастье будет» («что в тихой заводи все корабли, что на чужбине усталые люди новую жизнь себе обрели» А. Блок). Что было бы с человеком, если бы в сюжете его судьбы не было этого образа девушки, которая «пела в церковном хоре»?

Вот почему начало становления личности человека неотделимо от его религиозного измерения и лишь в дальнейшем его актуальность отходит на второй план, когда мужество *быть* заявляет о себе и с другой стороны: «И только далеко у Царских врат, причастный к тайнам, плакал ребенок о том, что никто не придет назад». На деле и эта, другая сторона, оказывается причастной религиозному чувству, дополняя его собственной антитезой.

В этом изначальном религиозном измерении, данном человеку вне и помимо каких-либо навязываемых ему догматических форм, впервые открывается радикальная смысложизненная ориентация человека: преодолеть свою частичность, воссоединится со своей *половиной*, стать целым, подвести свое единичное существование индивида к своей всеобщей сущности рода и дать миру плод этих усилий. Человек, посвятивший себя всякому иному *служению*, требующему от него немалых усилий самоограничения и самоотдачи, не менее религиозен, ибо продуктом его усилий является абсолютная *новация* того, чего в нем не было и вдруг стало. Это и есть выход *за* горизонт, интенция человека *становящегося*. Образ Богоматери рисует нам универсальную модель человеческого восхождения через творческое служения избранному идеалу.

Главное в религиозном измерении человека – это *усилие* самоограничения, дистанцированность между долгом и счастьем, готовность идти на жертвы ради великой цели, из благородного чувства служения высокому идеалу. Вот почему система запретов на казалося бы самые вожделенные сферы удовлетворения потребностей выступает родовым признаком религии. То, что в традиционной теологии принято считать верой в абсолютную *потусторонний* мир, служением нечеловеческому Абсолюту, в действительной теологии жизни, в самой заданности религиозного измерения человека, реализуется повседневно в самом способе бытия творческого человека, его практических усилиях и мольбах осуществить очередной действительный прорыв в потусторонность новизны. Ибо, новое *трансцендентно* старому, оно каждый раз заново ставит и решает проблему потусторонности и лишь его относительность порой убеждает в том, что «ничто не ново под луной». Впрочем, и это последнее не лишает человека последней надежды на слабый проблеск абсолютного.

Итак, человек не смог бы реализовать себя в качестве становящегося существа, если бы образ трансцендентности, заведомой потусторонности иного (нового) мира, не был бы задан ему во множестве конкретных жизненных ситуаций, как сугубо природного, так и социального, социокультурного и психологического свойства.